

В противоположность, поведение русских в фатической коммуникации отличается большей сдержанностью: их эмоционально-оценочные реплики и комплименты являются менее частыми. Русские комплименты, как правило, также менее экспрессивны, они зачастую воспринимаются с недоверием и реже используются как стратегия вежливости. Произнося комплимент, русский коммуникант искренне выражает свои чувства, происходит естественная демонстрация эмоций. Как следствие, в русской коммуникативной культуре абсолютное большинство комплиментов являются эмоциональными:

«*Михалыч, Вы лучший. Вы гениальный, таких гениальных гениев я еще не видел!*» (после удачной операции).

«*Вы поступили в этой ситуации столь тактично, что я, пожалуй, так не сумел бы.*»

«*Ты любишь орхидеи, потому что они не такие как все, такие как ты...*»

Речевой акт комплимент в русском языке является искренним, не носит формального характера, как это отмечается в английской коммуникации. Русские часто с недоверием относятся к комплиментам и хвалебным преувеличениям, предпочитая умеренность и искренность:

«*Настя она такая...она принимает человека таким, какой он есть.*»

«*Она интеллигентная, скромная девушка. Она нам очень нравится.*»

«*Всегда восхищаюсь Вашим терпением и дипломатичностью.*»

Отличительной особенностью русской коммуникативной культуры является использование речевого акта комплимент с уничижительной оценкой, где комплимент сочетается с единицами, занижающими оценку собеседника. Это еще раз подтверждает гипотезу о том, что русская языковая личность, делая комплимент, не ждет от собеседника положительной реакции, не стремится вызвать его симпатию либо интерес:

«*Брагин хороший мужик, хотя и страдает от своего характера.*»

«*Я понимаю, он конечно свинья, но лучший хирург.*»

«*Вижу женщину красивую и умную, но дуру.*»

Необходимо также отметить, что при сопоставлении английских оценочных реплик и их переводов в русской версии сериала «*Grey's anatomy*», наблюдается определенная асимметрия в степени их семантической экспрессивности:

«*Dr. Shepherd is an extraordinary surgeon*» – «*Доктор Шеперд отличный хирург.*»

«*Dr. Burke is the very best.*» – «*Доктор Берк отличный хирург.*»

В ряде случаев лексема с эмоциональным компонентом при переводе может и вовсе опускаться:

«*You're a really nice guy*» – «*Ты хороший парень.*»

Таким образом, результаты исследования показали, что в сфере фатической коммуникации английский стиль является в большей степени экспрессивным, выразительным, эмотивным; русский – более сдержанным, ровным, естественным, но и более эмоциональным. В английском общении комплименты являются средством реализации важной коммуникативной стратегии – средством проявления внимания к партнеру и его эмоциональной поддержки, а в русском языке – это свободное, естественное проявление эмоций.

Литература

1 Ларина, Т. В. Фатические эмотивы и их роль в коммуникации / Т. В. Ларина // Эмоции в языке и речи: сб. науч. ст. / РГГУ; под. ред. И. А. Шаронова. – Москва, 2005. – С. 150–160.

УДК 821.161.1Пушкин:2–135.3

М. Д. Ткаченко

ЗНАЧЕНИЕ ЧИСЕЛ В ПОЭМЕ А. С. ПУШКИНА «РУСЛАН И ЛЮДМИЛА»

Статья посвящена осмыслению символики чисел в поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». Выявлены и проанализированы фольклорные традиции при использовании чисел в данном художественном тексте, рассмотрены значения чисел в рамках контекстов произведения, а также с точки зрения мифологической символики.

Поэма «Руслан и Людмила» является первой законченной поэмой Александра Сергеевича Пушкина. Она была написана в 1818–1820 годах, после окончания Царскосельского лицея. Это произведение Пушкина было первым этапом его на пути к народности, первой попыткой молодого поэта создать национальную поэму. В данном исследовании обратим внимание на числовую символику поэмы «Руслан и Людмила» как индивидуально–авторскую символику и как отражение фольклорной традиции.

В поэме «Руслан и Людмила», помимо мифологической и отвлечённой семантики, числа имеют и более конкретные значения. Так, в «Песни третьей» число 17 указывает на возраст главной героини Людмилы:

А девушке в семнадцать лет
Какая шапка не пристанет! [1, с. 40]

Именно такой возраст девушки в пушкинскую эпоху считался периодом полного расцвета сил и женственности, возрастом совершеннолетия и замужества. Для современников поэта было естественно, что семнадцатилетняя девушка является замужней, и поэтому указание на 17 лет обращает внимание на молодость, свежесть и женскую жизнерадостность ещё юной и неопытной, но уже готовой к семейной жизни девушки.

Число 17 – не единственное число, указывающее на возраст персонажа. Также в поэме встречается число 70, играющее важную роль в сюжете произведения. В таком возрасте предстала перед старым колдуном его возлюбленная Наина, к завоеванию сердца которой он стремился 40 лет. Примечательно, что в небольшом отрывке из поэмы, содержащем историю жизни и любви старца-колдуна, которого встретил Руслан в поисках Людмилы, встречается много чисел, обозначающих десятки, в контексте времени.

Можно предположить, что отрезок в 10 лет служит своеобразной мерой измерения времени, тождественной таким единицам, как час, день, год, век. Учитывая возраст и жизненный опыт персонажа старца, данная система очень удобна для восстановления хронологии жизненных событий. В таком случае символику данных двузначных чисел следует рассматривать и как символику однозначных, то есть 1, 2, 4 и 7, хотя и учитывать их десятикратное увеличение.

Уж двадцать лет я здесь один
Во мраке старой жизни вяну... [1, с. 12]

20 лет – это время, за которое человек из младенца может стать взрослой, самостоятельной личностью. То есть в тексте противопоставляется образ старения и тщетности бытия образу молодости и жизненных сил. Если рассматривать 20 лет как 2 десятка, то можно обнаружить значение «дуальности, чётности» [2, с. 630], то есть двукратного увеличения временного отрезка, усиливающего его значение и величину.

Давно ли?.. «Ровно сорок лет, –
Был девы роковой ответ: –
Сегодня семьдесят мне било» [1, с. 18].

Символика числа 40 связана с ритуалами в иудейской, христианской и исламской традициях для определения важных/критических периодов времени, главным образом периодов духовной подготовки и испытания (очищения, наказания, ожидания, поста или изоляции). В славянской традиции число 40 в значительной степени ассоциируется с сорокадневным периодом после смерти, на протяжении которого душа умершего

пребывает на земле. В христианстве 40 дней – время поста Иисуса после крещения, такой же по продолжительности «великий» церковный пост предшествует Пасхе и т. д. [3]. В тексте поэмы «Руслан и Людмила» сорок лет – тоже период странствий и испытаний старого колдуна, итогом которых было вознаграждение, принесшее разочарование.

Был девы роковой ответ: –

Сегодня семьдесят мне било [1, с. 18].

В этих строках поэт сталкивает образ мечты и образ реальности, иронично называя старуху «роковой девой». В данном случае точное и несущее эффект некоторой документальности число 70 стилистически контрастирует с романтическим эпитетом «роковая дева». 70 лет – средняя продолжительность жизни человека, её закат. Если обратиться к символике числа 7 (рассматривать 70 как 7 десятков), то этим «магическим числом» характеризуется общая идея вселенной, константа в описании мирового дерева, полный состав пантеона, число дней недели, число дней праздников, количество цветов спектра, тонов в музыке и т. п. По мнению В. Н. Топорова, в культурной трактовке устройства мира число 7 является результатом сложения двух «основных числовых параметров» – 3 и 4, несущих в себе символику динамической и статической целостности мира [2, с. 631]. Если обратиться к сюжету поэмы «Руслан и Людмила», то из повествования старца-колдуна следует, что после сорока лет скитаний он достиг своей цели, однако красавица Наина превратилась в семидесятилетнюю старуху, что показало неизбежность хода жизни даже в мире, где есть место волшебству. Если отнять от семидесяти сорок – получим число 30 – возраст Наины в период, когда ещё молодой рассказчик встретил девушку и влюбился в неё. Следует напомнить, что во времена Пушкина возраст тридцати лет для девушки был даже не периодом заката молодости, тридцатилетнюю женщину могли считать престарелой. Отсюда можно предположить, что данный числовой подтекст носит исключительно символический характер.

Ещё один мифопоэтический шаблон, являющийся результатом взаимодействия чисел 3 и 4 (их произведение) [2, с. 631], – число 12 – также встречается в поэме Пушкина.

Как умер он и как заснули

Его двенадцать дочерей... [1 с. 51]

Однако в данном случае упоминание в «Песни четвёртой» двенадцати дев является шуточной реминисценцией из знаменитой баллады Жуковского «Двенадцать спящих дев», потому что изначально эпизод «Ратмир у двенадц<ати> сп<ящих> дев» был задуман Пушкиным как «пародия на «девственное создание» Жуковского» [4, с. 193] Для разъяснения этого факта следует обратиться к внетекстовому пространству: творческой истории создания Пушкиным «Руслана и Людмилы», культурной ситуации той поры и мотивам обращения молодого поэта к произведению Жуковского. Так, исследователь Л. Н. Назарова в своей статье [5] указывает на возможность Пушкиным осуществления в поэме «Руслан и Людмила» задуманной, но не написанной исторической поэмы Жуковского «Владимир», к которой сохранились только планы. Несмотря на общепринятое мнение учёных, что Жуковский оценил пародию Пушкина на его балладу «Двенадцать спящих дев» и в благодарность прислал молодому поэту свой портрет с надписью «Победителю-ученику от побежденного учителя в тот высокаторжественный день, в который он окончил свою поэму Руслан и Людмила. 1820 марта 26 великая пятница», Л. Н. Назарова предполагает, что данная благодарность была не столько за удачную пародию баллады, сколько за воплощение идеи поэмы «Владимир», которой Жуковский мог делиться с Пушкиным. «В конце XVIII–начале XIX века героическая эпопея классицизма уже отмирала... Сказочно-богатырские поэмы авторы задумывали с разных идейных позиций, но эти поэмы уже не могли претендовать на ту роль, которую играла раньше героическая поэма, а поэты-карамзинисты были заняты преимущественно разработкой малых жанров – элегий, посланий, баллад. Необходимость поэмы нового типа, по своему значению не уступающей героической поэме, осознавалась ясно как ведущими поэтами-

карамзинистами (Жуковский, Батюшков), так и второстепенными литераторами карамзинистского лагеря. Как известно, особенные надежды возлагались в этом отношении на Жуковского, от которого ожидали народного произведения в русском духе», – пишет Л. Н. Назарова [5, с. 216–217]. Таким образом, Александру Сергеевичу Пушкину удалось создать новый тип поэмы, который «вытеснил со сцены героическую эпопею классицизма» [5, с. 221].

В отличие от сказок Пушкина, где числа первого десятка имели исключительно мифологический подтекст, в поэме «Руслан и Людмила» они приобретают и психологическую основу, становятся той деталью, которая способна не только охарактеризовать внутреннее состояние человека, но и подчеркнуть некоторую индивидуальность персонажа, его отличие от остальных.

Эта особенность ярко выражена в числе 1, которое в поэме встречается чаще всего (16 раз). Самое распространённое значение числа 1 в поэме «Руслан и Людмила» – значение одиночества и противопоставления персонажа окружающему миру. Разные персонажи поэмы оказываются в этом состоянии после поражения над внешними силами зла и становятся бессильными перед обстоятельствами, находясь в состоянии неизвестности, неопределённости. Так, после похищения Людмила оказывается в неизвестном ей месте, вдали от мужа и отца:

Она, безмолвна и уныла,
Одна гуляет по садам [1, с. 56].

Если в отношении Людмилы мотив одиночества вводится с начала поэмы, то данное состояние Руслана проявляется только после освобождения возлюбленной из плена Черномора. Обретение счастья для Руслана оказалось видимостью, и его боевой настрой уходит, сменяясь состоянием тоски. В вещем сне Руслана одиночество впервые проявляется:

И вдруг Людмила исчезает,
Стоит один над бездной он... [1, с. 72]

После исцеления Руслана первое, что он обнаруживает, – исчезновение Людмилы («Но где Людмила? Он один!» [1 с. 80]). Далее число 1 в отношении Руслана употребляется в качестве его противопоставления обстоятельствам, демонстрируя внутреннюю силу главного героя:

Руслан, для жизни пробуждённый,
Подъемлет руки вслед за ним...
Но ничего не слышно боле...
Руслан один в пустынном поле;
Запрыгав, с карлой за седлом,
Русланов конь нетерпеливый
Бежит и ржёт, махая гривой [1, с. 81].

Одиночество как потеря близкого человека и беспомощность проявляется в характеристике князя Владимира; одиночество является результатом потери мечты и цели жизни в повествовании старого колдуна, который встречается Руслану на пути поисков Людмилы. Описывая первую встречу со своей возлюбленной, красавицей Наиной, он употребляет число один как символ исключительности героини среди остальных, подчёркивая её значимость. По мнению В. Н. Топорова число 1 означает, как правило, не столько первый элемент ряда в современном смысле, сколько целостность, единство. Совершенная целостность, понимаемая как единица, объясняет приписывание числа 1 таким образом этой совершенной целостности, как бог или космос [2, с. 629].

Таким образом, несмотря на то, что в своей поэме Пушкин обращался к традиции народных сказок, числовая семантика данного произведения имеет несколько иную направленность. Имея в своей основе сказочный сюжет, поэма, являясь жанром более обширным, чем короткая, но ёмкая и концентрированная символическими образами сказка, вносит в сюжет больше деталей и реалистических элементов, что влияет на роль

числа в произведении. Число становится не только элементом символа, но и приобретает психологический оттенок значения, становится той краткой, но ёмкой деталью, которая способна охарактеризовать состояние и ощущения персонажа в тех или иных обстоятельствах.

Литература

1 Пушкин, А. С. Руслан и Людмила / А. С. Пушкин // Полное собр. соч.: в 16 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. – Т. 4. – С. 1–88.

2 Топоров, В. Н. Числа / В. Н. Топоров. // Мифы народов мира: Энциклопедия. М. : Советская энциклопедия, 1980. – Т. 2. – С. 629–631.

3 Число 40 // Энциклопедия символики и геральдики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.symbolarium.ru/index.php/Число_40 – Дата доступа: 15.04.2014.

4 Петрунина, Н. Н. К творческой истории поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» / Н. Н. Петрунина // Русская литература. – 1992. – № 4. – С. 182–201.

5 Назарова, Л. Н. К истории создания поэмы Пушкина «Руслан и Людмила» / Л. Н. Назарова // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – Т. 1. – С. 216–221.

УДК 316.614:796.073:796.332

Ю. А. Трифонов

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ФУТБОЛЬНЫХ БОЛЕЛЬЩИКОВ

В статье рассматривается проблема социализации футбольных фанатов как одной из самых распространенных субкультур на территории постсоветского пространства. Описываются механизмы и особенности социализации личности в условиях околофутбольной субкультуры. Приводятся данные исследования личности и футбольного болельщика, а также его морально-правового самосознания и норм поведения.

Введение. Интерес к феномену социализации личности значительно возрастает в последнее время. Понятие социализации – это процесс и результат диалектического взаимодействия личности и общества, вхождение, «внедрение» индивида в общественные структуры. Одной из таких чаще всего стихийно складывающихся структур, активно влияющих на личностное формирование, является фанатское движение. Психологическим особенностям этой обширной популяции населения посвящены исследования Е. П. Ильина [1], В. С. Козлова, [2], Ю. М. Миртова [3] и др.

Актуальность. Актуальность рассмотрения проблемы социализации фанатов продиктована смещением «моды» на активное «болевание» из стран Западной Европы в страны Восточной Европы, где отсутствие соответствующего общественного опыта формирования болельщического движения позволяет футбольным хулиганам творить беспорядки.

Охарактеризовать процесс социализации в его общем виде – значит ответить на три вопроса: какой именно опыт, как и кем он транслируется. Ответить на эти вопросы можно, рассмотрев особенности фанатской субкультуры.

Критериями отнесения болельщика к числу фанатов являются: 1) активное посещение домашних матчей команды, 2) ежегодное совершение нескольких выездов в другие города, 3) знание и принятие субкультуры футбольных фанатов. Футбольные фанаты – это та часть футбольных болельщиков, которая придерживается определенной